

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-5-99-106

Летаева Н.В.*Одинцовский гуманитарный университет***ПРИЁМЫ МЕТАПОВЕСТВОВАНИЯ В ПРОЗЕ
«НЕЗАМЕЧЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ»**

Аннотация. Статья посвящена вопросам метаповествования в прозе младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции. В художественных текстах прозаики «незамеченного поколения» используют ряд метаповествовательных приёмов, которые выполняют в прозе Русского зарубежья функцию преемственности поколений, чрезвычайно важной для русской эмиграции, воспринимающей искусство, в частности литературу, как реальность, способную к сохранению национальной культурной идентичности, самобытности, указывают на приверженность модернистской стратегии русской и мировой литературы конца XIX – начала XX века, на реализацию как эстетических установок писателей «незамеченного поколения», так и установки литературы начала XX века на самопознание.

Ключевые слова: Русское зарубежье, младшее поколение русских писателей первой волны эмиграции, «незамеченное поколение», поэтика, проза, повествование, метаповествовательный приём, Ю. Фельзен, Е. Бакунина, С. Шаршун, М. Агеев.

N. Letaeva*Odintsovo University for the Humanities***METANARRATIVE TECHNIQUES IN PROSE OF THE YOUNGER GENERATION
OF RUSSIAN WRITERS OF THE FIRST WAVE OF EMIGRATION**

Abstract. The article explores the problem of poetics in prose of the younger generation of Russian writers of the first wave of emigration, in particular the questions of poetics of narrative. In their prose, writers of the so-called "unnoticed generation" used some metanarrative techniques, which play extremely important for the Russian emigration role of the succession of generations. The Russian emigration perceived the art, especially literature, as a reality capable to preserve the national cultural identity, and pointed to devotion to modernist strategy of Russian and World Literature of the late 19th – early 20th century, to realization of the aesthetic systems of the writers of "the unnoticed generation", aim of the literature of the early 20th century to self-knowledge.

Keywords: Russian abroad, the younger generation of Russian writers of the first wave of emigration, "the unnoticed generation", poetics, prose, narration, metanarrative techniques, Y. Felzen, E. Bakunina, S. Charchoune, M. Ageev.

Под «незамеченным поколением» в современном литературоведении принято понимать младшее поколение русских писателей первой волны эмигра-

ции, сформировавшееся как творческий феномен русской литературы в первой трети XX века. Продолжая традиции восприятия прозы «незамеченного поколения» эмигрантской критикой, современное литературоведение, несмотря на обширную научную литературу, тем не менее испытывает определённые трудности целостного осмысления и выявления текстопорождающих механизмов прозы «незамеченного поколения», оставляя нерешёнными в том числе и вопросы поэтики, в частности поэтики повествования.

Повествование, имея коммуникативную природу, представляет собой, согласно бахтинскому определению структуры произведения как «двойного события», не только событие, «о котором рассказывается», но и событие «самого рассказывания» [4, с. 403]. Интерес прозаиков к процессу повествования, к различным повествовательным формам, как правило, актуализируется «в переломные периоды эстетического самосознания литературы» [18, с. 71], к коим, несомненно, относится первая треть XX века. В прозе эпохи модернизма ощущается смена парадигм художественности, исчерпанность прежних форм и поиск нового повествовательного языка, в связи с чем обостряется внимание к метаповествовательным структурам.

Под метаповествованием принято понимать «изложение повествователем (рассказчиком) некоторого события или ряда событий, подвергающее рефлексии самоё себя и подразумевающее нарушение границы между “внутренним миром произведения” (действительностью героев) и миром литературного творчества» [6,

с. 119]. Метаповествование формируется рядом приёмов, среди которых выделяют автокомментирование, различные варианты интертекста, ссылки на литературную традицию или источники повествования, обращение к читателю, оценки тех или иных персонажей. Подобного рода приёмы характерны для прозы младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции, названных Б. Поплавским авангардистами «новой послевоенной формации» [14, с. 205].

Прежде всего отметим в прозе «незамеченного поколения» изображение процесса творчества и его комментирования как следствие влияния эстетических идей, связанных с литературой модернизма. Это позволяет автору, с одной стороны, репрезентировать себя в образе персонажа-творца, манифестируя самоопределение в пространстве культуры, с другой – формировать в художественном пространстве своих текстов «творческий хронотоп» (М. Бахтин). Так, в рассказе Ю. Фельзена «Неравенство» главный герой Андрей Завадовский, человек «творческого склада» [15, с. 44], в своих письмах Ольге Муравёвой комментирует процесс создания этих писем и остающихся за границами повествования дневников: «Оленька, родная, пишу Вам из кафе <...>. Пишу Вам, мой добрый друг, медленно, смотрю, сравниваю, завидую, карандаш всё время наготове, вид рассеянный, кругом давно решили: поэт. <...> Иногда по привычке выжимаю из себя “новое”, схватываю, записываю. Объясните, Оленька, зачем – у меня дома десяток тетрадей, которых никогда не приведу в порядок. А не запишу – бухгалтерское, ноющее опасение, что пропадёт» [15, с. 42-43];

«Писать приходится карандашом – на согнутых коленях, под листочком бумаги тяжёлая книга – воображаю, как должно получиться неразборчиво и грязно» [15, с. 45]. Обращает на себя внимание сходство манеры письма Завадовского с манерой письма самого Фельзена: Г. Адамович вспоминал, что писал Фельзен почти непрерывно, «без усталы, перечёркивая, исправляя, сокращая, дополняя. В особенности, дополняя. Ему всё казалось, что не всё он сказал» [2, с. 155]. Сами же дневники, оставленные Андреем Ольге как «несколько тетрадок, в которых нелегко разобраться» [15, с. 46], отсылают к лермонтовскому дискурсу «Героя нашего времени» (отметим, что и в портрете Завадовского обнаруживаются черты сходства с Печориным [10, с. 25-26]), устанавливая диалогическую связь между Фельзеном и Лермонтовым, приверженность которому демонстрировало «незамеченное поколение» ([9; 12]), и определяя героя «Неравенства» как преемника так называемого «лишнего человека» – героя русской литературы XIX века.

В рассказе Г. Кузнецовой «Художник» главная героиня Ирина, комментируя процесс рождения поэзии, вступает в творческий диалог с лирическим героем хрестоматийной пушкинской «Осени»: «Она (Ирина. –Н. Л.) с радостью видела, как страницы её почти год пустовавшей тетради заполняются новыми и новыми стихами <...>. Сидя у окна в старом глубоком кресле, склонясь над тетрадью, она напряжённо записывала, едва успевая смотреть вглубь себя, слушать, ловить что-то точное, единственно-правильное. Незаметно рождалась фраза, за ней другая, третья. Ирина слушала, судила,

одно отбрасывала, другое принимала как несомненное. Слова рождались уже сами собой, всё более точные, всё более радовавшие её» [7, с. 296-297].

Двунаправленная повествовательная стратегия продуцирования текста о жизни и текста о создании текста, сопровождаемая оппозицией «действительность – литература», не только выводит прозу «незамеченного поколения» за пределы художественного пространства с его общепринятыми условностями в пространство реальности, позволяя моделировать особого рода хронотоп фикциональной действительности, близкой правде до- и пореволюционной жизни, но и свидетельствует о попытке авторов встроить свои тексты в пространство культуры. «Творческий хронотоп», используемый «незамеченным поколением», актуализирует проблему творческой личности, творческой интенции, положенную в основу мотивно-тематического комплекса прозы «незамеченного поколения» как мотив, имеющий вековые традиции репрезентации в русской и мировой литературе. Таким образом, культура, искусство (литература, живопись, музыка) становятся «своей» реальностью в прозе Е. Бакуниной («Тело»), Ю. Фельзена («Неравенство», «Письма о Лермонтове»), С. Шаршуна («Долголиков»), Г. Кузнецовой («Художник»), Н. Берберовой («Аккомпаниаторша»), Л. Червинской («Мы») и др.

Создавая иллюзию реальности, младшее поколение русских писателей первой волны эмиграции, с одной стороны, искало в этой условной реальности убежище от «гибельного» эмигрантского быта, с другой, наследуя традиции Пушкина, Лермонтова,

Тургенева, формировало в художественном пространстве своих текстов суггестивное пространство, определяющее образ главного героя – «человека 30-х годов» (Ю. Терапиано) – как героя своего времени, смыслом жизни которого становится самопознание. что объясняет внимание «незамеченного поколения» к таким формам эго-документальной прозы, как записки, дневники, письма, воспоминания, формирующим в итоге документ о «человеке 30-х годов». Таковы введение к роману «Тело» Е. Бакуниной, «Роман с кокаином» М. Агеева, «Письма о Лермонтове» Ю. Фельзена, «Аккомпаниаторша» Н. Берберовой, «Из записок бесстыдного молодого человека» В. Варшавского, «Ожидание» Л. Червинской и др. Подобные жанровые формы призваны были решать вопрос обретения собеседника в отсутствии реального читателя, а также задачу создания эго-документа как одного из вариантов фиксации фактов эмигрантского существования.

В прозе младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции, отличающейся очевидной усталостью на воспринимающее сознание, способное к сохранению культурной памяти, нередки обращения как композиционный приём, размывающий границы между творчеством и реальностью. Так, в «Романе с кокаином» М. Агеева повествователь обращается к пророкам, выстраивая «диалог с провиденциальным собеседником» (О. Мандельштам): «И невольно в нас поднимается желание обратиться ко всем будущим Пророкам человечества <...> Милые и добрые Пророки! Не трогайте вы нас; не распалайте вы в наших душах возвышенных человек-

нейших чувств и не делайте вообще никаких попыток сделать нас лучше» [1, с. 172]. В «Истории Маши Мимозовой» Н. Берберовой повествователь обращается к читателю: «Позвольте, читатель, предложить вниманию вашему бесхитростную повесть жизни генеральской дочки Маши Мимозовой <...>. Я знаю, читатель, нынче вас ничем не удивишь. Каждый из вас, читатель, вправе сказать: я сам пережил не менее любой генеральской дочки; что мне до истории Маши Мимозовой? Но какая-то сила толкает меня передать бумаге скорбные Машенькины похождения и безвестную её гибель» [5, с. 187].

Статус подлинности записок реально существовавшего человека формировали такие вставные жанры, как письмо (напр., письма главного героя в «Письмах о Лермонтове» Ю. Фельзена, письма Андрея Завадовского Ольге Муравьевой в «Неравенстве» Ю. Фельзена, письмо Сони Минц Вадиму Масленникову в «Романе с кокаином» М. Агеева, письма Михалика Талочке во «Встрече» Н. Сабуровой), сны (напр., сон Вадима Масленникова в «Романе с кокаином» М. Агеева, сны-грёзы главной героини во введении к роману «Тело» Е. Бакуниной), обращение к текстам. Так, во введении к роману «Тело» главная героиня представляет тексты газетных статей, в «Письмах о Лермонтове» главный герой обращается не только к текстам Лермонтова, что является вполне закономерным в произведении с таким заглавием, но и к текстам Пушкина, Блока, к тексту некоего французского критического фельетона, в котором были обозначены «Песнь о Роланде» и «Эмиль». Из лермонтовских текстов

герой Фельзена выделяет «Три пальмы», «Парус», «И скучно и грустно», которые автор проецирует на русских эмигрантов, ёмко оценивая ситуацию вынужденного изгнанничества, образно выражаясь, в «песчаные степи аравийской земли», где «некому руку подать в минуты душевной невзгоды». Оставляя за рамками художественного дискурса цитирование, Фельзен обращением к заглавиям лермонтовских стихотворений актуализирует в сознании адресата своего произведения по-иному зазвучавшие для эмигрантов риторические вопросы и восклицания («Что ищет он в стране далёкой?/ Что кинул он в краю родном?...» [8, с. 143], «А годы проходят – всё лучшие годы!// <...> В себя ли заглянешь! – там прошлого нет и следа <...>» [8, с. 185]), неизбежные выводы: «Увы! он счастья не ищет/ И не от счастья бежит!» [8, с. 143]. Метафорическое изображение в «Трёх пальмах» разрушения, уничтожения, исчезновения, очевидно, рассматривалось Фельзеном применительно к современной ему исторической ситуации. В ряду аллюзий к вышеуказанным стихотворениям герой Фельзена вспоминает и «одну молитву чудную» как средство спасения в условиях жизни-существования. Такого рода «субтексты», образуя новые сообщения, выводят текст из состояния «семиотического равновесия», придавая импульс к «саморазвитию» [13, с. 10].

Вписывая свой творческий дискурс в культурный контекст, «незамеченное поколение» формировало литературоцентрический характер своей прозы, опираясь на различные варианты интертекста и литературные традиции или источники своего повествования.

Например, на классическую литературную традицию конфликта поколений ([11; 18, с. 236-238]), традицию «сюжета дневника» с опорой на приём изображения жизни после смерти героя (ср., напр., «Героя нашего времени» Лермонтова, «Лёгкое дыхание» И. Бунина и «Роман с кокаином» М. Агеева, «Аккомпаниаторшу» Н. Берберовой). Во введении к роману «Тело» Е. Бакуниной явственно обращение к классической традиции XIX века (напр., лермонтовской, гоголевской) сопровождать повествование вступительным словом повествователя: «То, что я пишу от первого лица, вовсе не значит, что я пишу о себе. Моё “я” потеряно и заменено образом женщины, отлитой случайно обрушившимися условиями по типовому образцу. В этой женщине я тщетно пытаюсь найти исчезающее, расплывающееся – своё. А нахожу чужое, сходное с другими. Следовательно, и рассказывая о себе, я говорю о других. Мне только удобнее рассматривать этих других через себя. Виднее. Так нет ничего скрытого, ошибочного, ложного, выдуманного» [3, с. 135].

Литературоцентричность прозы «незамеченного поколения» проявляется и в использовании писателями известных в культуре онимов, фразем, синтаксических структур. Так, в «Романе с кокаином» М. Агеев соединяет лермонтовского Вадима и Соню Мармеладову в образах Вадима Масленникова и Сони Минц. С. Шаршун, пытаясь раскрыть природу метафизики «тёмной русской личности» [14, с. 205], называет своего Долголикова внуком Обломова («российского Дон-Кихота»), микеланджеловским Моисеем, Мефистофелем, Люцифером. В

романе «Долголиков» появляются Кириллов и Пётр Верховенский как явная аллюзия на «Бесов» Ф. Достоевского. В «Романе с кокаином» М. Агеева главный герой, рассуждая о «душе человеческой», утверждает, что механизм «человеческих душ – это механизм качелей» [1, с. 172], отсылая читателя к стихотворению Ф. Сологуба «Качели»; «жидкое московское небо» [1, с. 63] воспринимается как аллюзия к аустерлицкому небу «Войны и мира»; описание бульваров посредством троекратного «Были бульвары...» [1, с. 62-63], основанного на синтаксическом параллелизме, можно соотнести с излюбленным гоголевским приёмом классификации явлений (напр., толстых и тонких в «Мёртвых душах»), тем более что и сам Гоголь представлен в тексте как часть московского дискурса. В романе один из персонажей Василий Буркевиц, продолжая размышления толстовских и чеховских героев о Церкви как институте и её служителях, в пространном монологе в традициях героев Достоевского, изобилующем риторическими вопросами и восклицаниями, выступает против гимназического батюшки, осудившего сквернословие подростков, недопустимое в речи христианина. Суть эмоционального выступления Буркевица сводится к дискредитации священника в социальном плане, занимающего пассивную, по мнению Буркевица, позицию в отношении Первой мировой войны. Именно поэтому используются тональность и конструкции [1, с. 48-50], близкие синтаксической организации и тональности той части евангельского текста, где обличаются книжники и фарисеи (Мф. 23:13-33, Лк. 11:42-44). Такое сложное наложение литератур-

ных и культурологических аллюзий существенно трансформирует «каноническую семантику “готового” сюжета» произведений прозаиков «незамеченного поколения» и становится «средством эстетизации прозы, способом литературного самоопределения» [18, с. 19], опирающимся на «диалогический язык» искусства как средство продуцирования новых смыслов.

Таким образом, метаповествовательные приёмы в прозе младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции, соединяя произведение «незамеченного поколения» с традицией предшественников, выполняют функцию преемственности поколений, чрезвычайно важной для Русского зарубежья. Создавая «одновременно и условность условного, и его безусловную подлинность» [13, с. 15-16], «незамеченное поколение» безусловной подлинностью определяет пространство культуры, искусства, сохраняющее незабываемость ценностей в эпоху тектонических смещений, произошедших в русском мире, как средства сохранения национальной идентичности, самобытности.

Метаповествовательные приёмы в прозе младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции свидетельствуют о приверженности «незамеченного поколения» модернистской стратегии русской и мировой литературы конца XIX – начала XX века, репрезентируют эстетические установки писателей на изображение реальности, преодолевающее рамки реалистического искусства. Эстетизация изображаемого в свою очередь утверждает творчество как единственно подлинную реальность. Метаповествовательные приёмы в таком случае

становятся инструментом самопознания литературы, воплощая концепцию творчества в архитектонике самого произведения, в творческом диалоге с другим текстом.

Метаповествовательные приёмы формируют в художественном пространстве произведений «незамеченного поколения» традиционное для метаповествования единство двух авторских ипостасей: историка, фиксирующего объективную реальность, и творца, создающего реальность условную, что в итоге формирует особого рода хронотоп фикциональной действительности, а в целом авангардную литературу «новой послевоенной формации» (Б. Поплавский) в условиях русской эмиграции.

Проза «незамеченного поколения» представляет уникальный материал для изучения семиотических механизмов сохранения культуры в культурно чуждых условиях, для исследования повествовательных стратегий русской литературы первой трети XX века, инвариантов саморефлексии литературы Русского зарубежья. По сути, проза младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции представляет не художественную литературу в привычном понимании этого явления, а сложный, многогранный художественный дискурс, насыщенный реминисценциями и аллюзиями, культурологическим подтекстом, интертекстуальной игрой, приметам интеллектуальной прозы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агеев М. Роман с кокаином: Роман; Паршивый народ: Рассказ / Статья Никиты Струве. М.: Худож. лит., 1990. 222 с.
2. Адамович Г.В. Одиночество и свобода. СПб.: Logos, 1993. 222 с.
3. Бакунина Е.В. Тело // Мы. Женская проза русской эмиграции / сост., вступ. статья и комментарии О.Р. Демидовой. СПб.: РХГИ, 2003. С. 135-151.
4. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.
5. Берберова Н. История Маши Мимозовой // Мы. Женская проза русской эмиграции / Сост., вступ. статья и комментарии О.Р. Демидовой. СПб.: РХГИ, 2003. С. 187-210.
6. Зусева В.Б. Метаповествование // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко]. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 119-120.
7. Кузнецова Г. Художник // Мы. Женская проза русской эмиграции / сост., вступ. статья и комментарии О.Р. Демидовой. СПб.: РХГИ, 2003. С. 287-317.
8. Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Том второй / сост. и комм. И.С. Чистовой; Ил. В.А. Носкова. М.: Правда, 1990. 704 с.
9. Летаева Н.В. Лермонтов и журнал русского зарубежья «Числа» // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сб. трудов Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова / Редкол.: П.А. Лекант (отв. ред.), Н.Б. Самсонов (зам. отв. ред.), Н.А. Герасименко [и др.]. М.: ИИУ МГОУ, 2014. С. 153-157.
10. Летаева Н.В. Лермонтовский интертекст в творчестве Ю. Фельзена // Слово – образ – текст – контекст: Материалы Всероссийской научно-методической конференции «Слово – образ – текст – контекст». Одинцово Московской обл., ОГИ, 24 – 25 мая 2011 года. Одинцово: АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2012. С. 21-33.
11. Летаева Н.В. «Мысль семейная» в прозе младшего поколения русских писате-

- лей первой волны эмиграции // Русская литература в современном культурном пространстве: Концепции семьи в парадигмах художественного сознания и авторских моделях: материалы VI Всероссийской с международным участием научной конференции (13 – 14 сентября 2012 г.) / Гл. ред.: Е.А. Полева, О.Н. Русанова. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2012. С. 21-29.
12. Летаева Н.В. Оппозиция «Пушкин – Лермонтов» на страницах журнала «Числа» // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. Великий Новгород, 2015. №1(84). С. 42-45.
13. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Учен. зап. Тартусского ун-та. Выпуск 567. Текст в тексте. Труды по знаковым системам. XIV. Тарту, 1981.
14. Поплавский Б. Вокруг Чисел // Числа. Париж, 1934. №10. С. 204-209.
15. Фельзен Ю. Неравенство // Литературное обозрение. М., 1996. № 2. С. 41-48.
16. Фельзен Ю. Письма о Лермонтове // Числа. Париж, 1931. № 4. С. 75-87.
17. Фельзен Ю. Письма о Лермонтове // Числа. Париж, 1933. № 7/8. С. 125-140.
18. Хатямова М.А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века / науч. ред. В.А. Суханов. М.: Языки славянской культуры, 2008. 328 с.